

Научная статья

УДК 811.511.112'367.62-112(470.331)
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-9-20

Именная морфология памятника тверской карельской письменности – перевода «Евангелия от Марка»

Ирина Петровна Новак

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук
Петрозаводск, Россия

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова
Российской академии наук
Москва, Россия

novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

Аннотация

Представлен анализ именной словоизменительной системы памятника тверской карельской письменности «Маркешта Святой Ївангели» (1820 г.) и ее сопоставление с современными данными, полученными в ходе работы лингвистической экспедиции (2020 г.) в козловский ареал расселения тверских карелов, а также с материалами рукописной грамматики тверского карельского языка А. А. Белякова (1948) и грамматики новописьменного варианта языка, основанных на диалектных материалах той же группы говоров, что и перевод. Проанализированы основные грамматические категории имени: число и падеж. В результате исследования сделан вывод об архаичности языка памятника, содержащего целый ряд явлений, не нашедших продолжения в современных тверских карельских говорах, а также определены инновационные черты, возникшие в них в недавнем прошлом.

Ключевые слова

карельский язык, диалектология, памятник письменности, лингвистическая экспедиция, грамматика, именная словоизменительная система, архаизм, инновация

Благодарности

Подготовка корпуса и конкорданса текста, а также экспедиционные работы выполнены при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (рук. Ю. В. Норманская), анализ языковых данных памятника выполнен в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (тема № 121070700122-5)

Для цитирования

Новак И. П. Именная морфология памятника тверской карельской письменности – перевода «Евангелия от Марка» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-9-20

Nominal Morphology of the Tver Karelian Translation of “Gospel of Mark”

Irina P. Novak

Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Petrozavodsk, Russian Federation

The Ivannikov Institute for System Programming
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

Abstract

The article presents the results of an analysis of the nominal inflectional system of a two-centuries-old account of the Tver Karelian written language – the Gospel of Mark “Маркешта Святой Ївангели” translated into the Kozlovo subdialect of the Karelian language in 1820. This study is of high relevance due to the absence of papers describing the morphological system features of the language of this account, which is a key element in the study of the Karelian language history and dialectology.

As part of the work, the materials from the translated text were compared to the data gathered during the linguistic expedition to the Kozlovo area of the Tver Karelian settlement in the summer of 2020, as well as to the data from the handwritten grammar of the Tver Karelian language by A. A. Belyakov (1948) and the grammar of the new scripted variant of the Tver Karelian language, based on dialectal material for the same group of subdialects as the translation of the Gospel. In addition, the revealed features are compared to the materials of other Karelian supradialects and dialects, both contemporary and presented in late 19th century descriptions.

The article examines two grammatical categories of nominals: the number and the case. The analysis of the material led to the conclusion that the language of the manuscript is archaic, and also revealed a number of phenomena that were not presented in modern Tver Karelian subdialects and helped to identify the innovative features of relatively recent origin in the subdialects.

Keywords

Karelian language, dialectology, written monuments, linguistic expedition, grammar, nominal inflectional system, archaism, innovation

Acknowledgements

The preparation of the corpus and concordance of the text, as well as expeditionary work, was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00403 “Digital description of the dialects of the Uralic languages based on the analysis of big data”, the analysis of the linguistic data of the monument was carried out under the state order of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (research topic no. 121070700122-5)

For citation

Novak I. P. Nominal Morphology of the Tver Karelian Translation of “Gospel of Mark”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-9-20

В 2020 г. исполнилось 200 лет первому печатному изданию на тверском карельском языке – переводу Евангелия от Матфея «Герранъ мя̄нъ Шюндю-рӯохтынанъ Святой Ївангели Матв̄йста» (1820)¹, а также рукописи перевода Евангелия от Марка «Маркешта Святой Ївангели»², поступившей в том же 1820 г. в Российское библейское общество. Эти переводы относятся исследователями к одним из первых лексикографических памятников тверского карельского языка. Им предшествует лишь недавно обнаруженная в авторском сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина карело-русская словарная запись 1668 г. «Сказание о преведении кор̄ьльскаго речения на слове(н)ский» [Савельева, 2019].

Тверские карельские переводы Евангелий являются памятниками исключительного значения для исследования истории карельского языка, его исторической грамматики, а также диалектологии. В них представлен тверской карельский диалект (козловский говор) собственно карельского наречия начала XIX в., т. е. того периода, когда карелы, переселившиеся в XVI–XVII вв. с исторической родины – северо-западного Приладожья, проживали в Верх-

¹ Герранъ мя̄нъ Шюндю-рӯохтынанъ Святой Ївангели Матв̄йста, Карьяланъ к̄ёл̄л̄ля. Пійтери, 1820. 96 с.

² РГИА. Ф. 808. Оп. 1. 1820 г. Д. 313. Л. 62–99.

невожье около двух столетий. С одной стороны, в языке еще сохранились отдельные архаичные черты древнекарельского языка, с другой – в нем уже наметились основные черты, характеризующие тверскую диалектную речь. На момент создания переводов (1817–1820 гг.) язык еще не был подвержен сильному влиянию со стороны соседнего русского языка, поскольку вплоть до конца XIX в. карельский язык в регионе оставался основным средством общения [Громова, 2011, с. 44].

Оба перевода Евангелий были выполнены священником села Козлова Вышневолоцкого уезда Григорием Ефимовичем Введенским и священником Новоторжского духовного уездного училища Матвеем Андреевичем Золотинским [Тверские переводные памятники..., 2020, с. 3–12]. История возникновения переводов четко прослеживается по архивным источникам³, что позволяет идентифицировать их язык как козловский говор тверского карельского диалекта начала XIX в. Публикация перевода Евангелия от Матфея вызвала большой резонанс в финно-угроведении. Второй же памятник, перевод Евангелия от Марка, долгое время оставался неизвестным лингвистам, пока не был обнаружен в 1959 г. в фондах Российского библейского общества Г. Н. Макаровым. Им же была подготовлена и опубликована первая расшифровка рукописи [Макаров, 1971].

Описанию графической, фонетической и лексической систем языка обоих памятников посвящен ряд статей отечественных языковедов⁴, однако морфологическая система переводов до сих пор не становилась предметом анализа. В рамках настоящего исследования для платформы Lingvodoc были подготовлены корпус и конкорданс текста перевода Евангелия от Марка⁵, на основании которого произведен анализ его именной словоизменительной системы. К исследованию привлечены также рукописная «Грамматика карельского языка: Калининское наречие собственно-карельского диалекта» А. А. Белякова [1948], грамматика тверского карельского новописьменного языка [Новак, 2020], образцы тверской карельской речи второй половины XX в.⁶, а также полевые материалы экспедиции 2020 г. в Козловское сельское поселение Спиросовского района Тверской области (4 информанта: И1 – 1965 г. р., урожд. д. Еремеевка, И2 – 1957 г. р., урожд. д. Житниково, И3 – 1947 г. р., урожд. д. Березай, И4 – 1943 г. р., урожд. д. Березай), анализ материалов которой позволил определить ряд категорий, продуктивных в языке памятника, но вышедших из активного употребления в современном тверском карельском диалекте.

Для карельского языка, относящегося к языкам агглютинативного типа⁷, характерна следующая структура именной словоформы: лексическая основа слова + показатель числа + падежное окончание + притяжательный суффикс. В рамках настоящей статьи предлагается обратиться к анализу категорий числа и падежа.

Грамматическая категория числа

Для именной словоизменительной системы языка анализируемого памятника характерно противопоставление единственного (не маркировано) и множественного числа (соотношение 77 к 23 %).

³ РГИА Ф. 808. Оп. 1. 1820 г. Д. 313.

⁴ Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века // Прибалтийско-финское языкознание. 1963. Т. 39. С. 70–79; Макаров Г. Н. Карельская рукопись полуторавековой давности // Вопросы финноугорского языкознания. М.; Л., 1964. С. 176–184; Громова Л. Г. Фонетические особенности языка тверского памятника карельской письменности Евангелия от Матфея // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars IV. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2011. С. 127–134; Громова Л. Г. Некоторые особенности использования кириллицы в тверском памятнике карельской письменности «Евангелие от Матфея» // Актуальные проблемы православной теологии. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2013. Т. 2. С. 58–62.

⁵ Маркешта святой Івангели. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3619/9/perspective/3619/12/edit> (дата обращения 17.02.2021); Конкорданс Маркешта святой Івангели. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3596/6/perspective/3596/7/edit> (дата обращения 17.02.2021).

⁶ Открытый корпус вепсского и карельского языков. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru> (дата обращения 19.02.2021).

⁷ Ison suomen kieliopin verkkoversio. URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения 12.02.2021).

Для выражения множественного числа **номинатива** и **аккузатива** используется окончание **-ть**, восходящее к уральскому языку-основе [Lehtinen, 2007, S. 67]: *Варраштамизётъ, отаннатъ, (абивойнатъ), вйжагукиётъ, муьнивоътъ, пагатъ азіётъ...* ‘Кражи, взяточничества, обиды, коварства, обманы, плохие дела...’ (7:22)⁸; *...пагинатъ олдыхъ эй югень-уйлазётъ.* ‘...речи были неодинаковые.’ (14:56).

В косвенных падежах для образования форм множественного числа употребляются суффиксы **-й-**, **-и-**, возводимые языковедами к уральскому языку-основе [Häkkinen, 2002, S. 73], а также **-лой-** / **-лөй-**, восходящий к древнекарельскому языку [Основы..., 1975, с. 54; Leskinen, 1998, S. 365; Tuomi, 1990, S. 195]: *Ляккөмя лягизихъ кюлихъ и линнойхъ...* ‘Пойдем в ближние деревни и города...’ (1:38); *А иче шоввяхъ лгыкилөйнъ кодилоя, и шильмисся вйкөлойнъ кумарреллахъ...* ‘А сами едят дома вдов и на глазах долго молятся...’ (12:40).

Дистрибуция показателей множественности в тексте памятника не отличается от современного представительства явления в тверских карельских говорах, а также от их распределения в привлекаемых к сравнению грамматиках [Беляков, 1948, с. 42–49; Новак, 2020, с. 53–57]:

1) показатель **-й-** используется:

- в именах с основой на **-а / -я**, когда присоединение показателя вызывает чередование **-а / -я** : **-о / -ө**: *яллой-ла* < *ялга* ‘нога’, *виллой-хъ* < *вилла* ‘шерсть’, *равдой-хъ* < *равда* ‘железо’;
- в многосложных именах с основой на дифтонг, когда в результате присоединения форманта выпадает первый компонент дифтонга: *ойгөй-да* < *ойгөй* ‘правильный’, *пухтөй-са* < *пухтөй* ‘кровотечение’, *вуйттөй-да* < *вуйттөй* ‘одежда’;

2) показатель **-и-** употребляется:

- в именах на **-а / -я**, когда эти гласные выпадают перед показателем множественности: *шильми-сся* < *шильмя* ‘глаз’, *корви-хъ* < *корва* ‘ухо’, *пойи-лда* < *пойга* ‘сын’;
- в двусловных именах с основой на **-е**: *мйгги-стя* < *мйгш* (*мйгге-*) ‘человек’, *лягизи-хъ* < *ляхинг* (*лягизе-*) ‘ближний’, *лапиш-лла* < *лапиш* (*лапше-*) ‘ребенок’;

3) в остальных словоизменительных типах (одноосновные имена с основой на **-е**, **-и / -ы**, лабиализованные гласные, а также односложные имена на дифтонг) используется показатель **-лой / -лөй-**: *лөмбо-лой-ла* < *лөмбо* ‘черт’, *тавды-лой-сса* < *тавды* ‘болезнь’, *пуў-лой-ста* < *пуў* ‘дерево’.

Для языка памятника допустимым является использование двух вариантов образования форм множественного числа от двусловных имен с основой на **-е**: *кязи-хъ* < *кязи* (*кяде-*) ‘река’, но *вгзи-лөй-хъ* < *вгзи* (*вгде-*) ‘вода’. Для современных тверских говоров, как и для некоторых других говоров собственно карельского и ливвиковского наречий, также характерно отсутствие унификации в данной позиции [Беляков, 1948, с. 50–51; Бубрих и др., 1997, к. 113; Новак и др., 2019, с. 185].

Грамматическая категория падежа

Падежная система памятника представлена 14 падежами. Самыми частотными являются грамматические падежи, однако между объектными падежами в таблице частоты встречаемости падежных форм (см. таблицу) оказался внешнеместный падеж адессив, что объясняется включением в круг его значений в собственно карельском наречии полного набора функций аллатива. Довольно распространены местные падежи иллатив, элатив, инессив, аблатив, а также падеж состояния эссив, тогда как случаев использования транслатива в переводе встречается мало (29 словоформ). Самыми редкими оказались падежи с конкретной семантикой инструктив и абессив (36 и 10 словоформ).

⁸ Здесь и далее для контекстных примеров в скобках через символ «:» приводятся номера соответствующих главы и стиха.

Частота встречаемости падежных форм в тексте памятника и падежные маркеры
 Frequency of occurrence of case forms in the text of the monument and case endings

Падеж	Встречаемость, % от всех именных словоформ			Падежный показатель		
	всего	ед. ч.	мн. ч.	памятник	Беляков А.А., 1948	Новак И.П., 2020
Номинатив	28,6	23,53	5,07	–, -тъ (мн.)	–, -т (мн.)	–, -t (мн.)
Партитив	15,67	12,55	3,12	-ǎ / -ǎ̃, -ǒ / -ǒ̃, -ǣ, -та / -тя, -да / -дя, -я (мн.)	-а / -ǎ, -о / -ǒ, -е, -да / -дя, -та / тя	-а / -ǎ-, -о / -ǒ-, -е, -da / -dä, -ta / -tä
Адессив	15,35	9,91	5,43	-лла / -лля	-лла / -ллä	-lla / -llä
Генитив	13,93	10,85	3,08	-нъ; -(i)ěнь (мн.)	-н	-n
Аккузатив	9,14	7,34	1,8	–, -нъ, -тъ	–, -н, -т (мн.)	–, -n, -t (мн.)
Иллатив	5,13	4,11	1,02	-хъ, -зѣ, -же	-х	-h
Элатив	4,22	2,8	1,42	-шта / -штя, -ста / -стя	-шта / -штä, -ста / - стä	-šta / -štä, -sta / -stä
Инессив	3,2	2,58	0,62	-шиша / -шиша, -сса / -сса	-шиша / -шишä, -сса / -ссä	-šša / -ššä, -ssa / -ssä
Эссив	1,86	1,33	0,53	-на / -ня	-на / -ня	-na / -nä
Аблатив	1,25	1,12	0,13	-лда / -льдя	-лда / -лдä	-lda / -ldä
Инструктив	0,76	0,06	0,7	-нъ	отсутствует	отсутствует
Транслатив	0,62	0,6	0,02	-киши, -кси	-киши, -кси	-kši, -ksi
Абессив	0,21	0,19	0,02	-тта / -ття	-тта / -ттä	-tta / -ttä

Морфологически исходной формой склонения имен служит **номинатив**, не имеющий в единственном числе специального окончания: ...*жé Мивнъ вгълли, и Мивнъ чикко, и Муѳмо Мивла онъ*. ‘...тот Мой брат, и Моя сестра, и Мать мне.’ (3:35); *Кънъ-мубнъ Тямя онъ, іотто и туўли и мъри Гяндя куўнёллахъ?* ‘Кто такой Это есть, что и ветер и море Его слушаются?’ (4:41).

Показателем **генитива** единственного числа является **-нъ**, возводимый к уральскому праязыку [Lehtinen, 2007, S. 67]: ...*да ііякшіёченннъ-тяхъ, и гянёнъ-кера олііёнъ-тяхъ*... ‘...да ради клятвы и ради с ним находящихся...’ (6:26); ...*рохкуйчегуё мяни Пилуѳтанъ-луё, и паккой Шюндюруёхтыннъ гибіёдя*. ‘...осмелившись, вошел к Пилату и просил тело Иисуса.’ (15:43). Образование форм множественного числа генитива происходит следующим образом:

1) с основой множественного числа на $-(C^9)i / -(C)i$ используется окончание генитива **-ёнъ**: *рїягкї-ёнъ* < *рїягкя* ‘грех’, *инегмизї-ёнъ* < *инегминъ* ‘человек’, *вангї-ёнъ* < *ванга* ‘старый’;

2) с основой множественного числа на дифтонг употребляется окончание **-нъ** или **-(i)ёнъ**: *ови-лой-нъ* < *ови* ‘дверь’, *лёмбо-лой-нъ* < *лёмбо* ‘черт’, *куёлгъ-нъ* < *куёлїе* ‘покойник’; *каргу-лой-ёнъ* < *каргу* ‘медведь’, *шиғої-ёнъ* < *шиға* ‘свинья’, *ялғої-ёнъ* < *ялға* ‘нога’. Отсутствие унификации в данной позиции может объясняться трудностями передачи форм средствами кириллицы.

Схожее распределение показателей генитива множественного числа характеризует ливвиковские и собственно карельские говоры Карелии [Бубрих и др., 1997, к. 113–114], что позволяет возвести его к древнекарельскому периоду развития языка, когда произошел переход прибалтийско-финских праязыковых показателей **-ten* > *-jen*, **-den* > *-en*. [Новак и др., 2019, с. 197].

В ходе полевой работы для генитива удалось зафиксировать употребление единого окончания **-п** (= **-нъ**), что отражено и в грамматиках [Беляков, 1948, с. 42; Новак, 2020, с. 59–60]: *gul'uz'in tuõjõin kohat*¹⁰ ‘места продавцов голубей’ (И1); *vanhoiñ kniigoñ alla* ‘под старыми книгами’ (И2); *Nämä oldih šigoñ paimenet*. ‘Это были пастухи свиней’ (И3); *Koirat šyvväh stolan alla lapšin muruloida*. ‘Собаки едят под столом крошки детей.’, *jalloiñ alla* ‘под ногами’ (И4). Результаты опроса информантов, наряду с анализом тверских карельских диалектных текстов второй половины XX в., указывают на утрату тверскими говорами исконной системы образования форм множественного числа генитива, представленной в языке перевода. Наличие форм на *-en*, зафиксированных лингвистами в толмачевских говорах конца XIX – начала XX в. [Пунжина, 1975, с. 108], позволяет датировать упрощение системы первой половиной прошлого столетия.

Дистрибуция показателей **партитива** единственного числа, возводимых к финно-угорскому аблативу на **-tA*, подвергшемуся в прибалтийско-финском праязыке суффиксальному чередованию **-tA* : **-dA* [Häkkinen, 2002, S. 78; Lehtinen, 2007, S. 122], зависит от типа лексической основы слова. При склонении двух- и более сложных одноосновных имен на одиночный гласный используются показатели **-я** / **-я**, **-ё** / **-ё**, **-ё**, присоединение которых приводит к образованию восходящего дифтонга: *пағлу-я* < *пағла* ‘завязка’, *пйивї-я* < *пйивя* ‘день’, *элу-ё* < *эло* ‘добро, имущество’, *лизявю-ё* < *лизявё* ‘добавка’, *мёвкю-ё* < *мёвкю* ‘буханка хлеба’, *генғї-ё* < *генғи* ‘душа’; тогда как образование форм партитива от одноосновных имен с основой на дифтонг и двуосновных имен происходит путем присоединения к основе (согласной у двуосновных) формантов **-та** / **-тя** (в глухой фонетической позиции), **-да** / **-дя** (в звонкой фонетической позиции): *рағваш-та* < *рағваш* ‘народ’, *мғт-тя* < *мғти* ‘мед’, *муѳ-да* < *муѳ* ‘земля’, *юѳр-да* < *юѳри* ‘корень’. В грамматиках тверского карельского языка [Беляков, 1948,

⁹ Под символом «С» подразумевается любая согласная фонема.

¹⁰ Передача примеров, записанных от информантов, производится в упрощенной финно-угорской транскрипции.

с. 44–45; Новак, 2020, с. 61–62], как и в разговорной речи современных тверских карелов, распределение формантов происходит аналогичным образом.

Множественное число партитива в тексте памятника образуется путем присоединения трех вариантов показателей:

1) с основой множественного числа на $-(C)i / -(C)i$ используется окончание $-ё$: *мудзи-ё* < *муднь* ‘такой’, *рия̀кки-ё* < *рия̀кя* ‘грех’, *таймены-ё* < *таймень* ‘всход’;

2) с основой множественного числа на дифтонг $-ой / -öй$ употребляется окончание $-я$, при этом происходит слияние конечного компонента дифтонга с аналогичной начальной фонемой показателя: *шано-я* < *шана* ‘слово’, *па̀зино-я* < *па̀зина* ‘разговор’, *пуў-ло-я* < *пуў* ‘дерево’, *шиво-ло-я* < *шивоть* ‘поясница’, *тиги-лө-я* < *тиги* ‘мошкора’;

3) с основой множественного числа на прочие дифтонги используется окончание $-да$: *ойгъй-да* < *ойгъё* ‘правильный’, *вуйтмэй-да* < *вуйтмё* ‘одежда’. Схожая система характерна и для собственно карельских говоров Карелии [Бубрих и др., 1997, к. 115–118; Новак и др., 2019, с. 201–202].

В ходе полевой работы удалось зафиксировать лишь две из представленных в памятнике схем образования партитива множественного числа – на $-е (=ё)$ и $-да / -d'ä (=да / -дя)$, что опять же указывает на упрощение данной системы. На месте показателя множественного партитива $-ja / -jü (=я)$ используется формант $-da / -d'ä$, например, *Opaštujat pöl'l'äššyttih hänen paginoida*. ‘Ученики испугались его разговоров.’ (И1); *Mie n'ian mieštä kuin puuloida*. ‘Я вижу людей как деревья.’, *eu pert'il'öid'ä* ‘нет изб’ (И2); *Huö perguáčettih kivil'öid'ä vaš*. ‘Они бились о камни.’ (И3); *Ken huiguáčou hiän šanoida*. ‘Кто стыдится их слов.’, *evle järvil'öid'ä* ‘нет озер’ (И4). Стоит отметить, что еще во второй половине XX в. в анализируемых говорах были зафиксированы редкие формы на $-ja / -jü (=я)$ [Бубрих и др., 1997, к. 115, 118], однако в грамматике А. А. Белякова они не упоминаются [Беляков, 1948, с. 44–45]. При этом самый старший из опрошенных информантов единожды употребил древнюю форму множественного числа партитива на $-ja / -jü$ в одном ряду с формой на $-da / -d'ä (=да / -дя)$: *Evle vellilöijä, evle čikkoloida*. ‘Нет братьев, нет сестер.’ (И4).

Функции лишнего собственного окончания падежа **аккузатива** (см. [Lehtinen, 2007, S. 124]) распределены между номинативом и генитивом: *...пани ома́тъ шормгътъ гяне́нь корвихъ...* ‘...положил свои пальцы на его уши...’ (7:33); *Кънь куйнь тахтовъ ший-люттйя́ ома́ гензи, гявиттявъ гяне́нь...* ‘Кто если хочет сберечь свою душу, тот потеряет ее...’ (8:35).

Образование местных падежей элатива (на $-шта / -штя, -ста / -стя$ (после *и*)) и аблатива (на $-лда / -льдя$), падежей состояния эссива (на $-на / -ня$) и транслатива (на $-кши, -кси$ (после *и*)), а также практически вытесненного адессивом из современных говоров инструктива (на $-нь$)¹¹ в морфологической системе памятника не обнаруживает каких-либо отличий с их современным представительством в тверском карельском диалекте [Беляков, 1948, с. 43–49; Новак, 2020, с. 64–71].

Например, **элатив**: *И Иерусалимашта, и Идумгяшта, и шильдя пудла Иордану, и Тийрашта, и Сидонашта...* ‘И из Иерусалима, из Идумеи и с другого берега (букв. с той стороны) Иордана, и из Тиры, и из Сидона...’ (3:8); *И йя́льди вайвуйчихъ ййиста нойиста...* ‘И много мучилась от многих колдунов...’ (5:26);

аблатив: *...кумбазёлда мё пия́нь лъйканъ Йиваналда...* ‘...у которого я голову отрезал у Иоанна...’ (6:16);

эссив: *И шано гъйля шиня пия́на иллалла...* ‘И сказал им в тот день вечером...’ (4:35);

¹¹ Показатель элатива возводится к финно-волжскому аффиксу $*-stA$, аблатива – к прибалтийско-финскому форманту $*-ltA$, эссива – к финно-угорскому локативу на $*-nA$, транслатива – к финно-угорскому лативу на $*-k$ и $*-s$, инструктива – к финно-угорскому генитиву на $*-n$ (см.: [Основы..., 1975, с. 56–59; Häkkinen, 2002, S. 79–85; Lehtinen, 2007, S. 67–124].

транслатив: *И гюö ваишахъ шанотыхъ, Рисситтякши Иіванакиши...* ‘И они в ответ сказали: Иоанном Крестителем...’ (8:27); *Мивнъ коди, малитту-коикси нимиттиячöвъ...* ‘Мой дом домом молитвы называется...’ (11:17);

инструктив: *И истубчетыхъ туккулойнъ шавойнъ мёгинъ, вйизинъ кюммгинъ.* ‘И сели группами по сто человек, по пятьдесят.’ (6:40).

В тексте памятника удалось обнаружить архаичные формы эссива порядковых числительных *энжимяс-ся* < *энжимянъ* ‘первый’, *тойс-са* < *тойнъ* ‘второй’, образованные от согласной основы, наряду с возводимой к гласной основе словоформе *энжимязё-на*. Аналогичные формы были отмечены и в первых дескриптивных описаниях собственно карельского и ливиковского наречий [Genetz, 1880, S. 191; 1885, S. 148], что позволяет возвести их к древнекарельскому языку.

Образование в тексте перевода падежей инессива (*-иша / -иша, -сса / -сса* (после *и*)), адессива (*-лла / -лля*) и абессива (*-тта / -ття*)¹² практически не отличается от современного представительства данных категорий:

инессив: *...а вайнъ омалла раннала, геймокуннаиша и омашша коисса эй панна.* ‘...а только в своем крае, в роду и в своем доме не считают.’ (6:11);

адессив: *И тьянъ-муöзилла ййилля арвавамизилла пагизи гыйля пагинуу...* ‘И такими многими загадками говорил им речь...’ (4:33);

абессив: *И гюö йяньття олдыхъ.* ‘И они молчали (букв. без голоса были).’ (3:4).

Анализ полного набора рассматриваемых падежных словоформ из памятника, однако, позволил выявить сокращение геминаты показателя в позиции после дифтонга на *й*: *пухтёй-са пухтыё* ‘кровотечение’, *канжой-са* < *канжа* ‘народ’, *арваванной-ла* < *арваванда* ‘загадка’, *вой-ла* < *вой* ‘масло’, *гуулилой-ла* < *гуули* ‘губа’, *арваванной-та* < *арваванда* ‘загадка’. Аналогичное явление характеризует словоизменительную систему личных и указательных местоимений всех собственно карельских диалектов, что свидетельствует о его архаичности. Материалы грамматик [Беляков, 1948, с. 46–49; Новак, 2020, с. 64–73], а также результаты опроса информантов позволяют говорить о сохранении описанного явления лишь в формах адессива местоимений, тогда как в остальных именах регулярно употребляются показатели, содержащие удвоенные согласные: *Yks'i nain'e oli puhteissa.* ‘Одна женщина была в кровотечении.’, *T'iešuaroilla luokšittih vähävägöz'ie.* ‘На перекрестки бросали слабых.’, *Hiän tul'i kirjoitta.* ‘Он пришел без писем.’ (И1); *Huö ei lugiettu kirjoissa.* ‘Они не читали в письмах.’, *Huö ruvetah pagizomah toiz'illa kiel'il'öl'V'ü.* ‘Они будут разговаривать на других языках.’ (И2); *Huö ollah kibuloissa.* ‘Они в болезнях.’, *I šano hiän puulla.* ‘И сказал он дереву.’ (И3); *Huö peeret't'ih heid'ä kivil'öl'V'ü.* ‘Они били их камнями.’, *Hiän el'i jalloitta.* ‘Он жил без ног.’ (И4).

К особенностям именной словоизменительной системы перевода относится также употребление окончания **иллатива** *-зё, -же* в именах со стяженными основами на *-гъ-, -га-*: *тайвага-же* < *тайваигъ* ‘небо’, *вгнъгъ-же* < *вгнъгъ* ‘лодка’, наряду с продуктивным на настоящий момент формантом *-хъ*: *Ляккёмя лягизихъ кюлихъ и линнойхъ...* ‘Пойдем в ближние деревни и города...’ (1:38); *А шихъ паявяхъ-нягъ, али кодахъ-нягъ, ни кьнъ эй тийя...* ‘А о том дне, или о часе, никто не знает...’ (13:32). Употребление архаичных показателей иллатива *-зе, -že*, восходящих к слабоступенному варианту праприбалтийско-финского показателя **-sen* [Häkkinen, 2002, S. 81–82; Lehtinen, 2007, S. 124], наряду с вепским и ижорским языками, отмечается исследователями и в ранних дескриптивных описаниях карельских говоров Карелии [Genetz, 1872, S. 19; 1880, S. 191; 1885, S. 149]. В грамматиках тверского карельского языка данные архаичные формы не представлены. В ходе работы экспедиции записать их также не удалось: *Pane valmeheh rokkah šuolua.* ‘Добавь в готовый суп соли.’ (И1); *Kašah-tahuo taivahah hiän hiät r'is's'it't'i.* ‘Взглянув на небо, он их перекрестил.’ (И2); *Huö otettih*

¹² Формант инессива возводится к финно-волжскому аффиксу **-snA*, адессива – к прибалтийско-финскому показателю **-lla*, абессива – к прибалтийско-финскому форманту **-tta* [Основы..., 1975, с. 56–58; Häkkinen, 2002, S. 77–84; Lehtinen, 2007, S. 67–124].

hänen omah pereheh. ‘Они взяли его в свою семью.’ (ИЗ); *Hiän istuoči veneheh.* ‘Он сел в лодку.’ (И4)

Сравнительный анализ именной словоизменительной системы памятника с современными тверскими карельскими говорами позволил выявить в них два инновационных падежа, не представленных в анализируемом переводе. Речь идет о падежах послеложного образования – **комитативе** и **аппроксимативе**.

В тексте памятника передача значения сопроводителя действия и совместимости произведена при помощи послеложной конструкции генитив + *кера* ‘с’, например, *Шильмиёнъ-кера, и эття няя? корвиёнъ-кера, и эття куўле?* ‘С глазами и не видите? С ушами и не слышите?’ (8:18); *...яйянь вийнь-кера и шуўрёнъ кавнёгуёнъ-кера.* ‘...с большою силою и большою славою.’ (13:26). К настоящему моменту данная конструкция, в результате утраты послеложного самостоятельного ударения, приведшего к слиянию показателя генитива и редуцированного послелога, переросла в самостоятельный падеж с окончанием *-nke(na)*: *Mie tulín čikonkenä i vel’l’enkene.* ‘Я пришел с сестрой и с братом.’ (И1); *Mäne Jumalanke!* ‘Иди с Богом!’ (И2); *Mid’ä tulit ominke kibuloinke?* ‘Что пришел со своими болезнями?’ (ИЗ); *Hiän tuli pahoinke vies’t’il’öinke.* ‘Он пришел с плохими новостями.’ (И4).

Выражение значения движения по направлению к чему-либо, кому-либо в языке памятника также передается при помощи послеложной конструкции генитив + *луо / луохъ* ‘к’: *...и кайки развашь ашишуттыхъ Гянёнъ-луо...* ‘...и весь народ шел к нему...’ (2:13), *...Иисусъ лякси мьренъ-луохъ...* ‘...Иисус пошел к морю...’ (3:7). В речи информантов было выявлено использование падежа послеложного образования аппроксиматива с формантом *-luo / -луо*: *Jumala l’äks’i goralluoh.* ‘Бог пошел к горе.’ (И1); *Naroda ker’äudy oviloilluo.* ‘Народ собрался к дверям.’ (ИЗ); *Hiän l’äks’i järvel’l’uö.* ‘Он отправился к морю.’ (И4). Аналогичная падежная форма характерна для ливвиковского и людиковского наречий карельского языка, в которых ее возникновение объясняется исследователями влиянием соседнего вепсского языка [Ковалева, Родионова, 2011, с. 87–88]. Результаты настоящего исследования, в свою очередь, указывают на то, что переход послеложных конструкций древнекарельского языка в падежные формы мог произойти в формирующихся наречиях и диалектах самостоятельно, в результате их внутреннего развития.

Следует отметить, что в современных говорах оба падежа соответствуют всем основным фонологическим и морфосинтаксическим критериям, предъявляемым к самостоятельным падежам: наличие передне- и заднерядного вариантов окончания, редукция и утрата им самостоятельного ударения, ассимиляция на месте прежней границы генитивной словоформы и послелога, соответствие формального и реального числа, согласование определения с определяемым словом, повтор окончания при однородных членах предложения, открытость лексического выбора [Зайцева, 1981, с. 38–41; Кросс, 1983, с. 253].

Анализ именной словоизменительной системы памятника «Маркешта Святой Ювангели» в сравнении с современным козловским говором, позволил выявить целый ряд возводимых к древнекарельскому периоду функционирования карельского языка особенностей, указывающих на архаичность языка перевода:

- 1) отличная от современной система падежных окончаний партитива и генитива множественного числа;
- 2) наличие геминированных и негеминированных вариантов падежных окончаний инессива, адессива и абессива;
- 3) использование особого окончания иллатива;
- 4) продуктивность падежа инструктива.

Кроме того, в процессе исследования удалось определить инновационные падежные формы комитатива и аппроксиматива, сформировавшиеся в исследуемом ареале в недавнем прошлом.

Памятник тверского карельского языка «Маркешта Святой Ювангели», наряду с переводом «Герранъ мянь Шюндю-руо́хтынанъ Святой Ювангели Матвѣйста», несомненно,

должен быть использован лингвистами в качестве важнейшего звена в процессе изучения истории карельского языка и определения характеристик его древнего этапа развития. Дальнейший подробный анализ языка переводов может помочь также в решении целого ряда проблем диалектного членения языка.

Список литературы

- Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В.** Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 10 с. + 209 с.
- Громова Л. Г.** Особенности развития карельской письменности на толмачевском говоре тверского диалекта // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2011. С. 42–54.
- Зайцева Н. Г.** Именное словоизменение в вепском языке. Петрозаводск: Карелия, 1981. 218 с.
- Ковалева С. В., Родионова А. П.** Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2011. 138 с.
- Кросс К.** Граница падежной формы и наречия в инструктиве прибалтийско-финских языков // Сов. финно-угроведение. 1983. Т. 18. С. 253.
- Макаров Г. Н.** Рукопись переводного памятника карельского языка начала прошлого века (Евангелие от Марка) // Прибалтийско-финское языкознание. 1971. № 5. С. 96–122.
- Новак И. П.** Грамматика тверского карельского языка. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2020. 177 с.
- Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л.** Карельский язык в грамматиках. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
- Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975. 348 с.
- Пунжина А. В.** Именные категории в калининских говорах карельского языка. Рукопись дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1975. 175 с.
- Савельева Н. В.** Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63.
- Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 295 с.
- Genetz A.** Wepsän pohjoiset etujoukot. *Kieletär*, 1872, no. 4, S. 3–32, no. 5, S. 3–26. (на фин. яз.)
- Genetz A.** Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Helsinki, SKS, 1880, 247 р. (на фин. яз.)
- Genetz A.** Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, SKS, 1885, 194 р. (на фин. яз.)
- Häkkinen K.** Suomen kielen historia. Turku, Turun yliopisto, 2002, 126 S. (на фин. яз.)
- Lehtinen T.** Kielen vuosituhannet. Helsinki, SKS, 2007, 308 S. (на фин. яз.)
- Leskinen H.** Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. In: Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, SKS, 1998, S. 352–382. (на фин. яз.)
- Tuomi T.** Itämurteiden loi-monikosta ja eräistä sekundaareista monikon merkeistä. In: Laatokan piiri. Helsinki, VAPK-kustannus, 1990, S. 190–200. (на фин. яз.)

Список источников

- Беляков А. А.** Грамматика карельского языка. Рукопись. Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 43. Д. 110. Петрозаводск, 1948.
- Макаров Г. Н.** О рукописном памятнике карельского языка первого десятилетия прошлого века. Рукопись. Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН). Ф. 18. Оп. 1. Д. 28 (1). Петрозаводск, 1962.
- Маркешта Святой Іовангели. Рукопись. 1820. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 808. Оп. 1. Д. 313. Л. 62–99. (на кар. яз.)

Об издании книг Священного Писания на карельском языке. Рукопись. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 808. Оп. 1. Д. 313. СПб., 1820.

References

- Bubrikh D. V., Belyakov A. A., Punzhina A. V.** Dialektologicheskii atlas karel'skogo yazyka [Dialectological atlas of the Karelian language]. Helsinki, SUS, 1997, 10 p. + 209 maps. (in Finn. and Russ.)
- Genetz A.** Wepsän pohjoiset etujoukot. *Kieletär*, 1872, no. 4, S. 3–32, no. 5, S. 3–26. (in Finn.)
- Genetz A.** Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Helsinki, SKS, 1880, 247 p. (in Finn.)
- Genetz A.** Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, SKS, 1885, 194 p. (in Finn.)
- Gromova L. G.** Osobennosti razvitiya karel'skoi pis'mennosti na tolmachevskom govore tverskogo dialekta [Features of the development of Karelian writing in the Tolmachi subdialect of the Tver dialect]. In: Tverskie karely: istoriya, yazyk, kul'tura [Tver Karelians: history, language, culture]. Tver, TvSU Press, 2011, pp. 42–54. (in Russ.)
- Häkkinen K.** Suomen kielen historia. Turku, Turun yliopisto, 2002, 126 S. (in Finn.)
- Kovaleva S. V., Rodionova A. P.** Traditsionnoe i novoe v leksike i grammatike karel'skogo yazyka [Traditional and new in the vocabulary and grammar of the Karelian language]. Petrozavodsk, KarRC RAS Згидю, 2011, 138 p. (in Russ.)
- Kross K.** Granitsa padezhnoi formy i narechiya v instruktive pribaltiisko-finskikh yazykov [The boundary of the case form and adverb in the instructional of the Baltic-Finnish languages]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie [Soviet Finno-Ugric Studies]*, 1983, vol. 19, p. 253. (in Russ.)
- Lehtinen T.** Kielen vuosituhannet. Helsinki, SKS, 2007, 308 p. (in Finn.)
- Leskinen H.** Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. In: Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, SKS, 1998, pp. 352–382. (in Finn.)
- Makarov G. N.** Rukopis' perevodnogo pamyatnika karel'skogo yazyka nachala proshlogo veka (Evangelie ot Marka) [The manuscript of the translated monument of the Karelian language of the beginning of the last century (the Gospel of Mark)]. *Pribaltiisko-finskoe yazykoznanie [Baltic-Finnish linguistics]*, 1971, no. 5, pp. 96–122. (in Russ.)
- Novak I. P.** Grammatika tverskogo karel'skogo yazyka [Tver Karelian grammar]. Petrozavodsk, KarRC RAS Publ., 2020, 177 p. (in Russ.)
- Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L.** Karel'skii yazyk v grammatikakh [Karelian in grammars]. Petrozavodsk, KarRC RAS Publ., 2019, 479 p. (in Russ.)
- Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija: Pribaltiisko-finskije, saamskii i mordovskie yazyki [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics: Baltic-Finnish, Saami and Mordovian languages]. Moscow, Nauka, 1975, 348 p. (in Russ.)
- Punzhina A. V.** Imennye kategorii v kalininskikh govorakh karel'skogo yazyka [Nominal categories in Kalinin dialects of the Karelian language]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Petrozavodsk, 1975, 175 p. (in Russ.)
- Saveleva N. V.** Neizvestnye pamyatniki leksikografii v “Tsvetnike” Prokhora Kolomnyatina [Unknown monuments of lexicography in “Tsvetnik” by Prokhor Kolomnyatin]. *Russian Literature*, 2019, no. 3, pp. 54–63. (in Russ.)
- Tuomi T.** Itämurteiden loi-monikosta ja eräistä sekundaareista monikon merkeistä. In: Laatokan piiri. Helsinki, VAPK-kustannus, 1990, pp. 190–200. (in Finn.)
- Tverskie perevodnye pamyatniki karel'skoi pis'mennosti nachala XIX veka [Tver translated monuments of Karelian writing of the early 19th century]. Petrozavodsk, KarRC RAS Publ., 2020, 295 p. (in Russ.)
- Zaitseva N. G.** Imennoe slovoizmenenie v vepsskom yazyke [Nominal inflection in Vepsian]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1981, 218 p. (in Russ.)

List of Sources

- Belyakov A. A.** Grammatika karel'skogo yazyka [Karelian grammar]. Manuscript. Scientific Archives of the Karelian Research Center RAS (NA KarRC RAS), f. 1, i. 43, c. 110, 1948.
- Makarov G. N.** O rukopisnom pamyatnike karel'skogo yazyka pervogo desyatiletia proshlogo veka [About the manuscript monument of the Karelian language of the first decade of the last century]. Manuscript. Scientific Archives of the Karelian Research Center RAS (NA KarRC RAS), f. 18, i. 1, c. 28 (1), 1962.
- Ob izdanii knig Svyashchennogo Pisaniya na karel'skom yazyke. Manuscript. Russian State Historical Archives (RSHA), f. 808, i. 1, c. 313, 1820.
- The Holy Gospel of Mark. Manuscript. Russian State Historical Archives (RSHA), f. 808, i. 1, c. 313, 1820, pp. 62–99.

Информация об авторе

Ирина Петровна Новак, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57221912667
WoS Researcher ID AAG-6900-2021
SPIN 9366-5460

Information about the Author

Irina P. Novak, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57221912667
WoS Researcher ID AAG-6900-2021
SPIN 9366-5460

*Статья поступила в редакцию 19.02.2021;
одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 02.02.2022
The article was submitted 19.02.2021;
approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 02.02.2022*